

Убийца ехал на трамвае
«Московский комсомолец», 3 августа 1994 г.
текст приводится по книге Богуславской «Боль»

Дело об убийстве Т. Панкратовой направили для дополнительного расследования следователю Генеральной прокуратуры России Виктору Ивановичу Пантелею.

У В.И. Пантелея дело находилось 14 месяцев.

Четырнадцатого июля 1993 года Пантелей подписал постановление о прекращении уголовного дела об убийстве Тани Панкратовой "за недоказанностью участия в убийстве Михаила Торховского". Известный московский адвокат Андрей Муратов и родители Татьяны Панкратовой ознакомились с материалами дела.

Имелись ли основания для его прекращения?

Попробуем представить себе это уголовное дело глазами адвоката.

Адвоката подозреваемого, на роль которого "претендовал", как мы знаем, пока только один человек - Михаил Торховской.

Очевидно, одним из главных, если не главным пунктом защиты могло бы стать время, которое было в распоряжении Торховского с того момента, когда он покинул театр "Композитор", откуда поехал к Панкратовой, и до того момента, когда он вернулся к себе домой 5 августа 1989 года.

Михаил окончил школу-студию МХАТ и получил диплом театрального художника. В качестве такового он, вероятно, и приехал в театр "Композитор" к Николаю Ивановичу Кузнецову. На следующий день после убийства Кузнецов на допросе в качестве свидетеля показал, что Торховской приехал в театр между 12 и 13 часами и ушел приблизительно полтора часа спустя (том 4, лист дела 187). На другой день Кузнецов уточнил время и сказал, что Торховской пришел вскоре после 12 часов (том 4, лист дела 188-189). На очной ставке 22 ноября 1989 года Кузнецов остановился на времени появления 12 часов 10 минут - 12 час. 30 мин., время ухода 13 часов 30 мин. - 13 часов 45 минут.

Торховской считает, что Кузнецов ошибается - он появился в театре примерно в 13 час. 10 мин. и ушел в 14 час. 30 мин. Около метро он купил 4 кг помидоров, 4 кг груш, 2 лимона и 2 букета роз. К Тане поехал на метро, маршрут следующий: станция метро "Бауманская" - станция "Курская" - "Проспект Мира" - "Щербаковская", оттуда автобусом до улицы Павла Корчагина. Дорога занимает, согласно следственному эксперименту, 48 минут. Квартира Торховского снята с охраны в 15 часов 50 минут. Стало быть, в распоряжении Михаила было всего-навсего 30 минут, включая время на дорогу домой от Таниного дома. При этом, согласно заключению судмедэкспертизы, Таня была убита между 14 и 15 часами. Не клеится.

Что же касается букетов по 1 руб. 65 коп. - к делу приобщены товарные отчеты магазина № 10 Мосцветторга, из которых следует, что такие букеты около метро в продаже были.

Никаких прямых свидетельств, говорящих о том, что Михаил Торховской совершил убийство Тани Панкратовой, не имеется. Под вопросом и косвенные, так как даже если бы нашелся нож, если бы на джинсах подозреваемого была кровь погибшей - в отсутствие времени, необходимого для совершения убийства, и нож, и кровь, так и остались бы ножом и кровью, не превратившись в доказательства.

Но доводы обвинения, на мой взгляд, находятся там же, где и доводы защиты, иначе говоря, они прикреплены все к той же часовой стрелке.

Позволим себе на некоторое время не считать время ухода из театра, указанное подозреваемым, за истину в последней инстанции, будем помнить, что он защищает свою жизнь, и вернемся к тому, что сказал свидетель Н.Кузнецов: Торховской ушел приблизительно в 13.30-13.45.

Вот он покупает фрукты и овощи, при этом неизбежно стоит в очереди, пусть даже небольшой, вот он покупает цветы и входит в метро.

И фрукты, и цветы, и метро - под вопросом.

Во втором томе дела есть протокол допроса Виктора Петровича Болотова, в 1989 году работавшего старшим оперуполномоченным уголовного розыска Бабушкинского РУВД. Болотов участвовал в выемке вещдоков на квартире Торховского. Ему было поручено допросить Торховского на предмет установления его распорядка дня 5 августа. Читаем: "6 августа начальник уголовного розыска Бабушкинского РУВД поручил мне поехать с Торховским на квартиру последнего и изъять там окровавленные вещи, если такие найдутся... проверить, имеются ли в квартире овощи... Мы осмотрели комнату, которую он занимал, ванную, холл, кухню. Торховской показал нам ящик с овощами, в нем была картошка. Задание изъять овощи мне не было дано, поэтому я ограничился их визуальным осмотром... В поисках окровавленной одежды я зашел в ванную комнату, там в ванной раковине стоял большой таз с сильно концентрированным раствором стирального порошка, похожим на густой кефир. В растворе были замочены полностью джинсы, кончиками пальцев я вытащил джинсы из раствора, поинтересовался у стоящего рядом Торховского, когда он замочил джинсы. Он ответил, что... накануне, то есть 5 августа... В протоколе (который в это самое время вел другой сотрудник милиции. - О.Б.) со слов Торховского записано, что изъятые джинсы он замочил 2 августа, четыре дня тому назад, а 5 августа менял в тазу воду. Так как я этот протокол не подписывал, то не обратил внимания на заявление, сделанное Торховским... Протокол выемки я не читал, ...я бы обязательно настоял на том, чтобы в протоколе были указаны слова Т. о замачивании джинсов именно 5 августа и о том, что они находились

в растворе стирального порошка... Рассказывая о поездках этого дня, Торховской говорил о такси, которым пользовался в одной из поездок, какой именно, я не могу вспомнить..."

Показания Болотова, допрошенного Виктором Ивановичем Пантелеем 10 февраля 1993 года, во всяком случае не дают оснований для безапелляционных заявлений о том, что все сказанное Торховским - правда.

Куда девались овощи, купленные для Тани? По словам Торховского, это 8 килограммов. Выбросил от волнения? В его холодильнике одна картошка.

Пол в Таниной квартире тщательно вытерт полотенцем.

Джинсы, замоченные в кефиरोобразном растворе стирального порошка именно в день убийства, отчего-то оказались непригодны для экспертизы.

А вот и стрелка часов, за которую держатся и защита и обвинение.

Такси! Торховской упомянул о том, что он пользовался не только метро и автобусом. Полагаю, что вряд ли спустя 5 лет в Москве спохватится человек, который подвез Торховского по указанному им адресу. Отчего этого человека не начали искать на другой день после убийства? И почему даже упоминание о таком исчезло из "дискусии"?

Ответов на свои вопросы я никому навязывать не собираюсь. Я только хочу сказать, что при ближайшем рассмотрении алиби Торховского оказывается чрезвычайно сомнительным.

Ведь даже о цветах - самой безобидной части исследуемого материала, - даже о цветах нельзя говорить с уверенностью. В деле имеются ссылки на то, что на первоначальной стадии расследования было установлено, что таких цветов в указанное Торховским время у метро не продавали. Но некоторые листы дела потерялись. В том числе и с "цветочными" мотивами.

Показания Виктора Петровича Болотова - один из примеров. Есть и другие. Нам сейчас важно, что они есть.

И ещё важно, что с тех пор, как время ухода из театра сдвигается на час назад, у Торховского появляется возможность совершить убийство, скрыть следы и исчезнуть с тем, чтобы спустя несколько часов начать разыскивать внезапно пропавшую Таню.

Ранее я подробно рассказала о том, как дело об убийстве Тани Панкратовой молниеносно переместилось из Бабушкинского района в прокуратуру СССР и через какое-то время вернулось в район без единого замечания. Оттуда оно ушло в город. Я осторожно предположила, что такое путешествие уголовное дело могло проделать только благодаря вмешательству близкого родственника подозреваемого в убийстве - его дяди, академика Евгения Велихова. Но я не рассказала о том, что случилось с делом.

А случилось вот что.

Том 7, листы дела 22-26, фрагмент допроса Валерия Михайловича

Герасимова, следователя прокуратуры Бабушкинского района Москвы, который вел дело об убийстве Панкратовой: "Ранние допросы Торховского, проводимые оперативными работниками 21-го о/м, как и другие материалы, кроме тех, что были в моем распоряжении, хранились в сейфе заместителя начальника отделения Артемьева. У него же находились протоколы поиска ножа и ключей от квартиры Панкратовой. Все эти материалы из сейфа пропали (выделено мной. - О.Б.).

...В конце сентября 1989 года в прокуратуру Бабушкинского района позвонил сотрудник прокуратуры СССР, фамилию которого я не помню (заканчивается на ...ский) и потребовал, чтобы я привез ему имеющиеся у меня материалы дела по обвинению Торховского. В назначенное время я привез ему эти материалы, которые были в неподшитом состоянии. Сотрудник, который представился помощником Генерального прокурора СССР, попросил оставить ему на 2-3 дня материалы, что я и сделал. Он хотел написать мне расписку, но я сказал, что доверяю ему и расписка мне не нужна. (Примечание: очевидно, Герасимов недобросовестно заблуждается, так как матери убитой Тани он рассказал другое: материалы потребовал зам. Генерального прокурора Васильев и что за 12 лет своей работы он впервые увидел "живого зама Генерального прокурора Союза"). Когда через несколько дней мне вернули эти материалы, я не проверил, полностью ли мне все возвращают. (Примечание: вернули и не сделали никаких замечаний. А между тем с 18 августа Торховского перестали допрашивать.) Когда 5 октября я стал подшивать дело для отправки в прокуратуру города, то обнаружил отсутствие дополнения к признанию (4-й лист). К сотруднику прокуратуры Союза я не стал обращаться по поводу пропажи, посчитал это неловким, и ему бы я ничего не доказал, так как отдал дело без описи. Во время допроса 5 декабря 1989 года я следователю Афанасьеву не стал говорить о пропаже и на его вопрос об отсутствии листа № 4 ответил, что в протоколе допроса от 17 августа я, видимо, допустил ошибку. 4-й лист содержал письменное подтверждение Торховского о том, что к нему не применялось никакого давления со стороны работников розыска... 5 октября нами было передано в прокуратуру города дело на 184 листах... Сейчас отсутствует опись, составленная мною, поэтому я затрудняюсь сказать, какие именно документы пропали. В деле отсутствуют 54, 143, 164, 165-я и 184-я страницы из томов 1, 2-го и 4-го".

Том 11, листы дела 128-129, фрагмент допроса Игоря Юрьевича Васильева: "В 1989 году я работал первым заместителем начальника уголовного розыска Бабушкинского РУВД. Вместе с Толкачевым 7 августа выезжал на квартиру Панкратовой. Из разговора с Герасимовым мне стало известно, что дело было затребовано в прокуратуру СССР и по возвращении из него исчезло приличное

количество документов. А из разговора с бывшим начальником уголовного розыска района Фроловым мне стало известно, что пропало 78 листов дела. Ему об этом также говорил Герасимов. В деле отсутствуют допросы за 6 и 7 августа".

Пропал первый протокол допроса Торховского на следующий день после убийства. Пропал протокол допроса Таниной подруги, Марии Николаевой, от 7 августа.

Пропали ксерокопии всех материалов по работе оперативной группы с 6 по 17 августа, то есть два с половиной тома.

Исчезла картотека допросов. Исчез и журнал оперативного штаба по раскрытию преступления.

Исчезли главнейшие документы первых дней работы, во время которых решается судьба любого дела. Если они потерялись - странно, что именно они, а не множество других, любых других документов. То есть можно говорить о том, что дело было преднамеренно ограблено с тем, чтобы впоследствии его можно было прекратить за недоказанность.

И ещё один документ, том 1, лист дела 217. Из прокуратуры РСФСР 4 ноября 1989 года № 15-10460-89 прокурору Москвы Г.С. Пономареву лично: "Возвращается постановление старшего следователя прокуратуры г. Москвы Денисова С.И. о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Торховского Михаила Владимировича, который установлен прокуратурой РСФСР до 30 ноября 1989 года.

Прошу осуществлять за ходом расследования постоянный контроль, принять меры к ускорению проведения назначенных экспертиз, тщательно исследовать все доводы о невиновности Торховского (выделено мной. - О.Б.), а также объективно оценить имеющиеся доказательства.

О результатах расследования прошу своевременно информировать прокуратуру РСФСР.

В связи с некачественным расследованием уголовного дела на первоначальном его этапе в прокуратуре Бабушкинского района, проявлением неоперативности и безответственности, низким профессиональным уровнем со стороны следователя Герасимова необходимо рассмотреть данный вопрос на оперативном совещании при руководстве прокуратуры города, о чем также сообщить в прокуратуру РСФСР приняв соответствующие меры.

Заместитель начальника следственного управления старший советник юстиции Г.Р. Лайнер".

Я-то как раз считаю, что с оперативностью и ответственностью все было в полном порядке. Оперативно выкрали из дела нужные листы. Ответственно подошли к вопросу о прекращении дела. Кто, что и когда украл - теперь уже не узнать, что говорит о том, что похититель был профессионалом или

выполнял указания профессионала. И разве кого-нибудь пожурили за такие оплошности? Случись такое с любым другим делом, товарищей из уголовного розыска и прокуратуры за ноги повесили бы на первом суку.

Но дело, о котором мы рассказывали, к разряду обыкновенных не относится.

* * *

Теперь обратимся к итоговому документу расследования, проведенного следователем Генеральной прокуратуры России Виктором Ивановичем Пантелеем, последовавшему за публикацией в "МК" "Родная кровь".

Как мы уже говорили, расследование продолжалось 14 месяцев. Виктор Иванович Пантелей проявил необычайнейшую тщательность и проделал колоссальную работу, о чем можно судить хотя бы по тому, что к нему дело поступило в 6 томах, а от него ушло в архив в 12.

Второго марта 1993 года В. Пантелей обратился к заместителю Генерального прокурора России с просьбой о продлении срока предварительного следствия по делу об убийстве Панкратовой. В качестве обоснования Пантелей ссылается на то, в частности, что свидетель Кузнецов при повторном допросе подтвердил свое заявление о времени появления Торховского в театре - 12 часов 15 минут. Это время подтверждается и записью на кассете автоответчика, изъятой у Торховского: Кузнецов назначил встречу именно в 12 часов.

Пантелей пишет: "С учетом показаний Кузнецова и проведенных по делу следственных экспериментов у Торховского было достаточно времени для того, чтобы вернуться на квартиру Панкратовой из театра, совершить её убийство и приехать домой в 15 часов 50 минут... О возможной причастности Торховского к убийству свидетельствует факт изъятия у него на квартире 6 августа 1989 года его джинсов, которые были замочены в растворе стирального порошка. На джинсах была обнаружена кровь человека..."

Далее он ссылается на то, что в деле отсутствует ряд процессуальных документов, относящихся к начальной стадии следствия, а в списке следственных действий, которые считает необходимым провести, указывает на необходимость проверить "возможность влияния на ход следствия по делу академика Велихова, находящегося в родственных отношениях с Торховским" (выделено мной. - О.Б.).

И вдруг спустя три месяца Пантелей подписывает постановление о прекращении уголовного дела.

Не может быть!

Ведь оно решительно расходится с материалами дела, не говоря уже о

том, что входит в противоречие с документом, который он собственноручно подписал всего три месяца назад.

Что, появились новые факты, о которых до сей поры не было известно, и они решительно повернули ход расследования в принципиально новое русло?

Нет.

Если не факты - может, идеи?

Опять нет.

Ничего нового. Разве что один пустяк: Виктор Иванович Пантелей спутал Россию с Арабскими Эмиратами. Не пугайтесь, все просто. В Арабских Эмиратах нет ни автобусов, ни троллейбусов, ни метро. Только автомобили. То есть один-единственный вид транспорта. И вот Виктор Иванович берет пример с передового и процветающего государства и преобразует московский транспортный парк согласно своим представлениям о прекрасном. В соответствии с этим нововведением по Пантелею теперь выходит, что в Москве автомобилей нет.

"Следственным экспериментом, - пишет Пантелей, - установлено, что при условии пользования автобусами и метро затраты времени составляют... не менее 1 часа 34 минут... Достоверно установлено, что вечером 5 августа Торховской отсутствовал в своей квартире 1 час 36 минут, из которых он на дорогу к Панкратовой и обратно потратил 1 час 34 минуты. За оставшееся время он не мог совершить те действия, о которых он показал 17 августа... Таким образом, заявление Торховского и его показания от 17 и 18 августа 1989 года не соответствуют материалам дела и не могут считаться убедительным доказательством его вины в убийстве".

Виктор Иванович скрупулезно подсчитал, что 2 минут на то, чтобы войти в квартиру, инсценировать попытку изнасилования, замыть следы крови на полу, разбросать бумаги в комнате, написать записку и т.п., - 2 минут ему, безусловно было недостаточно. И кто бы с ним стал спорить, если бы он выполнил свой профессиональный долг и добавил, что с учетом возможности использования автомобиля времени у Торховского было достаточно.

Я проехала на машине в такой же субботний вечер от дома Торховского до Таниного дома и обратно. На дорогу ушло чуть меньше 49 минут. Значит, у Торховского в запасе мог быть час времени. И этого часа вполне достаточно для того, о чем рассказал Торховской в дополнении к чистосердечному признанию.

Следователю известно, что по роковому стечению обстоятельств у погибшей Тани и у Михаила Торховского одна группа крови. Торховской не смог объяснить, как попала кровь на его замоченные в тазу джинсы. Между тем это кровь человека.

Пантелей установил, что Торховской характеризуется знакомыми как

личность истеричная. Пантелей установил также, что, согласно дневниковым записям погибшей Тани и показаниям её знакомых, друзей и родителей, она собиралась порвать отношения с Торховским. Конфликт мог разгореться, таким образом, мгновенно, с порога, и убийство могло быть совершено в состоянии аффекта. А если так - 39 минут, о которых говорит Пантелей, на убийство хватит. Не говоря уже о том, что если Торховской после этого поехал домой на машине, то в его распоряжении было как минимум 50 минут, а вовсе не 30. Никто не знает, какое именно слово в ссоре решило Танину судьбу, никто не возвышал голос в пользу того, что убийство это долго и тщательно планировалось заранее. Все говорит о том, что имело место нечто внезапное. Пантелей сам исследовал всю ситуацию вкупе с предысторией. Как же он мог позволить себе такую грубую натяжку?

Вывод о том, что заявление Торховского и его показания 17 и 18 августа (речь идет о чистосердечном признании) не соответствуют материалам дела, основан только на том, что Торховской ехал на метро и автобусе. Это непрофессиональный вывод. Из него следует ещё один: Виктор Иванович Пантелей по каким-то причинам принял решение, не соответствующее материалам дела и простой логике.

Почему?

А давайте полюбопытствуем, осуществил ли Виктор Иванович намерение проверить "возможность влияния на ход следствия по делу академика Велихова"?

Нет.

А почему?

Матери убитой Тани Виктор Иванович признался, что допрашивать Велихова он постеснялся.

Поистине застенчивость следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры России Виктора Пантелея не знает пределов.

...Но все это, уважаемые читатели, оказывается, не имеет никакого значения. Все это - мелочи по сравнению с тем, что титулованный класный специалист нарушил закон, тем самым подложив мину замедленного действия под хрупкую постройку из 12 томов уголовного дела. Виктор Пантелей допрашивал Михаила Торховского не как обвиняемого, а как свидетеля.

Свидетеля собственного преступления.

Согласно статье 69 УПК России доказательства, полученные с нарушением закона, силы не имеют. Они недействительны. А Виктор Пантелей знал, что отмена предыдущего постановления, на основании которого он приступил к расследованию, автоматически возвращает Торховского в статус обвиняемого. Допрашивая Торховского в качестве свидетеля, Пантелей нарушил закон, и нарушил сознательно. При этом объясняя матери погибшей Тани: Торховской как

свидетель несет уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Так будет лучше.

Если УПК для В.И. Пантелея не закон, то, может быть, обратимся к российской Конституции? А там в статье 67 прямо говорится: никто не обязан давать свидетельских показаний против самого себя.

Следователь Пантелей прекрасно понимал, что, если дело попадет в суд, все эти допросы будут признаны незаконными. Значит, он был уверен, что дело до суда не дойдет? А главное судебное слушание - теперь единственная и последняя возможность установить истину в этом деле. Особенно после того, как дело так долго и тщательно уничтожалось.

Да, Виктор Иванович, теперь мы точно знаем, - профессионал высокого класса.

Дело об убийстве Татьяны Панкратовой не расследовано.